

УДК 130.2

**ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ ПОЛЕМИКИ
Л.Н. ТОЛСТОГО И И.А. ИЛЬИНА
(ОНТОЛОГИЯ СИЛЫ VS ЭТИКА НЕНАСИЛИЯ)**

**PHILOSOPHIC-ANTHROPOLOGICAL MEANINGS OF L.N. TOLSTOY AND
I.A. ILYIN POLEMIC (ONTOLOGY OF POWER VS ETHICS OF NON-VIOLENCE)**

**С.В. Резник, К.Е. Мюльгаупт
S.V. Reznik, K. E. Mulhaupt**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: reznik@bsu.edu.ru; urist812@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются философско-антропологические смыслы полемики Л.Н. Толстого и И.А. Ильина контексте дихотомии «насилие – ненасилие». Самый поверхностный взгляд на современное состояние человечества показывает нарастание насилия в современном мире. Террор и войны, революции и политические перевороты, казалось бы, обрекают простого, «маленького» человека либо на пассивное участие в насилии, либо на столь же пассивное сопротивление ненасилием.

Resume. The article considers the philosophical-anthropological meanings of L.N. Tolstoy and I.A. Ilyin polemic in the context of "violence - non-violence" dichotomy. The most cursory look at the current condition of mankind shows an increase of violence in the modern world. Terror and wars, revolutions and political coups seem to doom a simple, "little" man either to passive involvement in violence, or to as well passive resistance by non-violence.

Ключевые слова: учение о непротивлении злу насиллием, критика толстовства, насиллие, ненасиллие.

Key words: the doctrine of non-resistance to evil by violence, criticism of tolstoyism, violence, non-violence.

Нравственно-религиозное учение Л.Н. Толстого о непротивлении злу насиллием давно и прочно укоренилась в сознании современников и потомков философа. Альтернатива «противления» и «не/противления» как этико-аксиологическая дихотомия способов отношения людей к злу, толковалась мыслителем как практическая проблема нравственного выбора. Определяя статус проблемы, Л.Н. Толстой пишет: «Люди часто думают, что вопрос о противлении или непротивлении злу насиллием есть вопрос придуманный, вопрос, который можно обойти. А между тем это – вопрос, самую жизнью поставленный перед всеми людьми и перед всяким мыслящим человеком и неизбежно требующий своего разрешения» [1: 121].

Последовательная аргументация и безусловное утверждение фундаментального императива непротивления злу насиллием определила отношение к идее ненасиллия, ставшее своего рода дисциплинарной матрицей религиозно-философского самосознания русской культуры, на рубеже XIX-XX веков. Толстовское учение о непротивлении злу насиллием стало своеобразной точкой отсчета в системах духовных координат, а фигура самого мыслителя неизбежно оказалась в эпицентре острой полемики апологетов и критиков последнего.

Предметом специальной систематической критики, не выходящей за рамки этических рассуждений, толстовский императив непротивления преимущественно оказывается в трудах таких ведущих представителей русской религиозно-философской мысли конца XIX - первой половины XX вв., как В.С. Соловьев, Н.Ф. Федоров, Н.А. Бердяев и, разумеется, И.А. Ильин. Реконструкция и всесторонний анализ их фундаментальных полемических доводов позволили выделить *три основных аргумента*, к которым в той или иной мере прибегают критики Толстого, в стремлении опровергнуть его логику обоснования абсолютного отказа от насиллия. М.Л. Гельфонд сводит все достаточно однообразные «возражения» Толстому к трём основным аргументам» [1: 121-133]:

1. «Аргумент бегства от зла», который сводится к критике неправильного (по мнению его оппонентов) истолкования Л.Н. Толстым сущности зла как явной «силы», промышленяющей в мире. Согласно И.А. Ильину в противостоянии с последней обществу приходится прибегать к ряду принуждений по отношению к его членам (вплоть до смертной казни). Однако, будучи насиллием, это

не будет злом»[1: 122-125]. Контраргумент Л.Н. Толстого заключается в том, что подлинное знание зла и не-зла есть только у Бога, но не у людей, применяющих насилие»[1: 125].

2. «Аргумент целесообразности» заключается в тезисе о том, что насилие может быть эффективно и легитимно в том случае если к нему прибегают для защиты слабого, а также когда другие методы борьбы со злом неэффективны. И.А. Ильин указывает на несправедливое смещение Л.Н. Толстым злобного насилия против злодея и оправданного понуждения его к добру. Последнее, в прочем, не исключает, как крайнюю меру, уничтожение злодея»[1: 125-127]. Контраргумент Л.Н. Толстого заключается в восприятии иллюзорности такой «эффективности» насилия. Л.Н. Толстой уподобляет применение насилия «тушению огнём огня». Единственным же путём пресечения зла философ признаёт «делание добра за зло всем безо всякого различия»[1: 127]. Л.Н. Толстой подчёркивает, что практические цели, для которых выбирается насилие, обманчивы, но «для духовной цели нужно непротивление злу, и достигаются невидимые цели» [1: 127]. Кроме того подобная аргументация «от целесообразности» в принципе недопустима между христианами.

3. «Аргумент жертвы», которая имеет безусловное право на защиту от насильника. Л.Н. Толстой считает, что предполагаемые последствия действий злодея, как и его собственная судьба, ведомы только Богу, а не людям, и должны пребывать только в Его ведении» [1: 128-132]. Можно сказать, что в данном случае он намекает на маловерие своих оппонентов.

Для усиления последнего аргумента В.С. Соловьёв и И.А. Ильин придают ему эмоциональную насыщенность, предлагая крайнюю ситуацию в которой невинный ребёнок становится жертвой дюжего разбойника. В роли же случайного свидетеля данного преступления выступает моралист-«толстовец». Конечно, с точки зрения оппонентов Толстого, ответ напрашивается сам собой: убийцу целесообразно остановить как можно быстрее, не рассуждая именно насилием. Однако ответ Л.Н. Толстого оппонентам был неожиданным для его оппонентов: «занимает этих людей, желающих оправдать насилие, никак не судьба воображаемого ребёнка, а своя судьба, своя вся основанная на насилии жизнь, которая при отрицании насилия не может продолжаться» [2: 919].

М.Л. Гельфонд констатирует, что в критике теории Л.Н. Толстого представителями отечественной философской мысли, со времени её появления и по сей день, превалируют безапелляционность и попытки позиционировать всё «противотолстовское» как окончательный приговор, исчерпывающе разрешающий все спорные вопросы [1: 133]. Однако «ни одна из известных версий критики идеи непротивления не лишена собственных противоречий», а аргументы обеих «сторон» в данном споре – «теоретически паритетны» [1: 133].

Противникам теории непротивления можно противопоставить также точку зрения Э. Фромма. Последний убедительно доказывает, что идеи сторонников насилия не выдерживает проверки реальностью, в которой «чисто оборонительная агрессия очень легко смешивается с необоронительной деструктивностью и садистским желанием господствовать <...>. И когда это происходит, революционная наступательность перерождается в свою противоположность и вновь воспроизводит ту самую ситуацию, которую должна была уничтожить» [3: 262-263].

Следует отметить, что данное высказывание Э. Фромма вторит одной из идей финального философского произведения Л.Н. Толстого «Путь жизни» (1910). Здесь русский мыслитель указывает, что общественный порядок поддерживается не насилием, но общественным мнением, которое извращается «примером дурной жизни» общественной «верхушки»; так что «деятельность насилия ослабляет, нарушает то самое, что она хочет поддерживать» [4: 167].

Искажение защищаемой Л.Н. Толстым истины непротивления как в массовом, так и в научном сознании, неприятие социальной значимости евангельского «не противься злему» (Мф., 5, 39), - всё это, как справедливо отмечает Ю.Н. Давыдов, свидетельствует о том, что «в России времён «позднего» Толстого уже не представляли, как правило, никакого другого противления злу, кроме насильственного» [5: 78]. Думается, данный вывод автора конца XX века справедлив не только для царской России начала прошлого века, но, во многом, и для современного положения дел во всем мире.

По мысли А. Гусейнова теория Л.Н. Толстого призывает «отделить человека, совершающего зло, от самого зла» [6: 81], понять его заблуждения и соблазны, и искоренять не «злодеев», а соблазны и заблуждения в себе и других. Посвятив этому свои силы, всякий истинный борец со злом «увидит перед собой такую огромную деятельность, что никак не поймёт даже, зачем ему для его деятельности выдумка о разбойнике» [4: 175].

Частые упреки Л.Н. Толстого в абстрактном морализме, заключающиеся в утверждении, что он из моральных соображений отрицал всякое насилие и рассматривал как насилие всякое физическое принуждение. Якобы по этой причине Л.Н. Толстой не пришел к пониманию всей сложности и глубины жизненных отношений. Как известно, в таком ключе осуществлялась критика теории Л.Н. Толстого известным представителем философии русского зарубежья XX в. И.А. Ильиным в его книге «О сопротивлении злу силою». Однако полностью согласиться с такой критикой не представляется возможным. В своем анализе темы насилия Л.Н. Толстой не ограничивается только позицией его безоговорочного морального обличения. Все же мыслитель был историчен хотя бы в том, что допускал оправданность государственного насилия для

определенного времени: «может быть для прежнего состояния людей было принято государственное насилие, может быть оно нужно еще и теперь» [7: 199].

Начиная с трактата «В чём моя вера?» (1882-1884 гг.) и вплоть до рассмотренного нами произведения «Путь жизни» Л.Н. Толстой нигде не говорит о не[со]противлении, то есть покорности, потакании злу. Непротивление в толстовском смысле является противоположностью не[со]противлению как бессильному смирению со злом. По мысли Ю.Н. Давыдова, за ним «мощь всего универсума Добра, то есть Бога» [5: 99], соединяющая людей для действенного одоления истинных врагов человечества. Л.Н. Толстой в своих «Трёх притчах» поясняет: «Я говорил, что, по учению Христа, вся жизнь человека есть борьба со злом, противление злу разумом и любовью, но что из всех средств противления злу Христос исключает одно неразумное средство противления злу насилием, состоящее в том, чтобы бороться со злом злом же» [8: 310-311].

В формуле непротивления злу насилием неверно делать ударение на слове «непротивление». Понять теорию Л.Н. Толстого лучше, если сделать акцент на слове «насилие». Напротив, противиться злу можно и нужно, однако не насилием, но другими - ненасильственными - методами. «Защитники общественного жизнепонимания объективно стараются смешать понятие власти, то есть насилие, с понятием духовного влияния, но смешение это совершенно невозможно» [9: 131]. Таким образом, реально можно противостоять насилию, только в отказе от последнего, а значит уже само не-участие в насилии есть борьба против него.

Одной из центральных тем последнего романа Л.Н. Толстого «Воскресение» (1899 г.) является духовное обновление личности. Данное произведение написано Л.Н. Толстым в период его духовного оформления как христианина и непротивленца. Главный герой князь Нехлюдов оказывается присяжным по делу проститутки, обвиняемой в убийстве, в которой он узнает Катюшу Маслову - соблазненную им некогда и брошенную горничную своих тетюшек. Этот факт перевернул жизнь Нехлюдова. Он увидел свою личную вину в падении Катюши Масловой и вину своего класса в падении миллионов таких Катюш. «Бог, живший в нем, проснулся в его сознании» и Нехлюдов обрел ту точку обзора, которая позволила взглянуть на жизнь свою и окружающих в свете абсолютной морали и выявить ее полную внутреннюю фальшь. Ему стало гадко и стыдно.

Потрясенный Нехлюдов порвал со своей средой и поехал вслед за Масловой на каторгу. Скачкообразное превращение Нехлюдова из барина, легкомысленного прожигателя жизни в искреннего христианина (христианина не в церковном, а этическом смысле этого слова) началось на эмоционально-духовном уровне в форме глубокого раскаяния, пробудившейся совести и сопровождалось напряженной умственной работой. Кроме того, в личности Нехлюдова Толстой выделяет, по крайней мере, две предпосылки, благоприятствовавшие такому преобразению - острый пылкий ум, чутко фиксировавший ложь и лицемерие в человеческих отношениях, а также ярко выраженная склонность к переменам. Второе особенно важно: «Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских и иногда проявляет одно, иногда другие и бывает часто совсем не похож на себя, оставаясь все между тем одним и самим собою. У некоторых людей эти перемены бывают особенно резки. И к таким людям принадлежал Нехлюдов» [10: 198].

Толстовский анализ духовной революции Нехлюдова в переносе на самого автора произведения обнаруживает много схожего. Самому Л.Н. Толстому также была свойственна склонность к резким переменам. Попробовав себя на разных поприщах, испытав на личном опыте основные мотивы, связанные с мирскими представлениями о счастье, он пришел к выводу, что они не приносят душевного успокоения. Именно полнота жизненного опыта стала важной предпосылкой духовного переворота мыслителя.

Таким образом, русская религиозно-философская мысль в лице критиков учения Л.Н. Толстого о непротивлении злу насилием, пытается аргументировать свою точку зрения на проблему допустимости противодействия злу силой в качестве теоретически исчерпывающей и объективно бесспорной. Однако следует отметить, что ни одна из известных версий критики идеи непротивления не лишена собственных внутренних противоречий, как и сама толстовская аргументация ненасилия не может быть рассмотрена как безусловная истина Откровения. Подлинность и ценность идеи непротивления заключается только в духовной эволюции нравственно-религиозных исканий самого Л.Н. Толстого.

Идеи Л.Н. Толстого о непротивлении злу насилием являются глубоко продуманной и почувствованной жизненной позицией, воплотившейся не только в произведениях писателя, но и в его поступках. Вполне следует согласиться с утверждением, что ненасилие Л.Н. Толстого больше, чем философская система, религиозная концепция, этическая программа или какая-либо иная локальная доктрина. Скорее это жизнеучение.

Впервые книга И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою» была издана в Берлине в июне 1925 г. в частном издательстве на средства, состоявшего одно время в Высшем Монархическом Союзе барона Б. Г. фон Коплена. Первые два экземпляра И.А. Ильин послал на отзыв в парижскую газету «Возрождение» - ее редактору Струве и Зайцеву. В номере от 6 июля газета известила читателей о выходе книги. И сразу же она вызвала бурную полемику. Повторно работа была опублико-

вана в 1975 г. в лондонском (Канада) издательстве «Заря». Большая часть данного произведения посвящена критике теории Л.Н. Толстого о непротивлении злу насилием.

Итак, отправным пунктом критических рассуждений И.А. Ильина является традиционная для русской философской критики идеи непротивления проблема определения зла. С точки зрения И.А. Ильина, Толстой и его школа употребляя термины «насилие» и «ненасилие», по сути смешали самые различные виды насилия с формами принуждения, самопринуждения, понуждения. Показывая насколько сложен и многозначен вопрос о насилии, И.А. Ильин предложил оригинальное и богатое оттенками различие целой гаммы понятий, которые связаны с проблемами зла, насилия и ответа на зло. Как отмечает И.А. Ильин: «Они, - имея в виду толстовцев, - говорят и пишут о насилии и, выбрав этот неудачный, отвращающий термин, обеспечивают себе пристрастное и ослепленное отношение ко всей проблеме в целом. Это и естественно: нет даже надобности быть сентиментальным моралистом, для того чтобы на вопрос о «допустимости» или «похвальности» озлобленного безобразия и угнетения ответить отрицательно. Однако эта единственность термина укрывает за собой гораздо более глубокую ошибку: Лев Николаевич Толстой и его школа не видят сложности в самом предмете. Они не только называют всякое заставление - насилием, но и отвергают всякое внешнее понуждение и пресечение как насилие» [11: 30].

В своей концепции И.А. Ильин различает насилие от «заставления», «понуждения» и «пресечения». Согласно И.А. Ильину, в действии волевой силы, можно различить действие свободное и такое, которое является «заставляющим» - не полностью свободным. Однако определенная свобода в «заставляющем» действии тоже присутствует, так как человек может сам заставить себя делать что-либо в борьбе со злом во имя добра. В этом заставляющем или понуждающем действии бывает также и внешнее «заставление» других. И.А. Ильин разрабатывает схему разных форм «заставления»: внутреннее и внешнее «самозаставления» делятся на психические и физические. Существует различие между достаточно свободным, убеждающим «заставленным» других, понуждением других и насилием над другими. Понимания этих различий, как считает И.А. Ильин, лишена концепция Л.Н. Толстого.

По его мнению, такое воздействие (понуждение) входит в формулу зрелого правосознания. И.А. Ильин подробно разбирает тему такого воздействия на других людей, которое удерживается на грани принуждения. Однако, как считает И.А. Ильин, есть ситуации, в которых избежать принуждения не представляется возможным, т.е. физического воздействия на зло избежать нельзя. Для подтверждения своей концепции философ ставит вопрос о том, что сделает последователь непротивления в случае изнасилования ребенка злодеями, располагая при этом оружием, предпочтет ли он уговаривать злодеев или допустит в такой ситуации исключение?

Еще одним важным аспектом критики толстовства И.А. Ильиным, является вопрос об отношении Л.Н. Толстого и его последователей к государственной, правовой и политической жизни. В интерпретации толстовства И.А. Ильиным для моралиста, отстаивающего идеи непротивления, государственные институты являются сферой сплошного зла и насилия, где не может быть такой сферы, в которой можно вести речь о правосознании, о цивилизованных способах жизни. В таком случае духовная необходимость и духовная функция правосознания от моралиста-толстовца совершенно ускользают. Но вместе с отвержением права отвергается и «все оформленные правом установления, отношения или способы жизни: земельная собственность, наследование, деньги, которые «сами по себе суть зло»; иск, воинская повинность; суд и приговор - все это смывается потоком негодующего отрицания, иронического осмеяния, изобразительного опорочения. Все это заслуживает в глазах наивного и щеголяющего своей наивностью моралиста только осуждения, неприятия и стойкого пассивного сопротивления» [11: 89]. Данный момент весьма важен, поскольку действительно характеризует российское моралистическое сознание. Дело здесь не только в том, справедливо или несправедливо прилагается обвинение к учению Льва Толстого. Это вопрос более сложный, заслуживающий специальных обсуждений. Для жизни российского общества веками было характерно недоверие к правосознанию, к повседневной государственной жизни, к самозащите человека, к формам правозащитной и судебной деятельности. Все, что связано с обычной жизнью и ее устройством, подвергается как бы «негодующему отрицанию». И.А. Ильин пишет: «Сентиментальный моралист не видит и не понимает, что право есть необходимый и священный атрибут человеческого духа; что каждое состояние человека есть видоизменение права и правоты; и что ограждать духовный расцвет человечества на земле невозможно вне принудительной общественной организации, вне закона, суда и меча. Здесь то личный духовный опыт молчит, а сострадательная душа впадает в гнев и в «пророческое» негодование. И в результате этого его учение оказывается разновидностью правового, государственного и патриотического нигилизма» [11: 96]. Сказанное во многом справедливо и по сей день не утратило своей актуальности. Острые критики И.А. Ильиным концепции толстовства направлено против этого нигилизма. Концепция И.А. Ильина настоятельно проводит идею о том, что правовое государство вынуждено применять силу с целью противостоять угрозе гражданской войны, тоталитаризму, фашизму. Конечно, концепция И.А. Ильина направлена на оправдание вооруженного сопротивления белой гвардии и белой власти коммунистического режиму в России. Однако суть поставленных философом вопросов заклю-

чается не только в этом. Толстой и толстовцы правы в том, что следует всячески стремиться к преодолению войны. И вот здесь И.А. Ильин показывает, насколько в неравном положении оказывается авторитарное, фашистское насилие, с одной стороны, — и либеральное правление, связывающее себя нормами права, с другой. Таким образом, проблема дихотомии «насилия» и «ненасилия» по-прежнему является одной из глубоких дилемм и трагедий социальной жизни не только XX, но и XXI столетия. Поддаваться фашизму или прибегнуть к использованию силы опирающейся на закон в надежде, что применение легитимного насилия будет минимальным? Будет ли оправданным применение насилия для предотвращения небольшого очага потенциальной гражданской войны во избежание еще больших жертв? В наши дни остро стоит вопрос о возможной мере принуждения и насилия над терроризмом. Итак, ставятся животрепещущие вопросы, и многие вспышки гражданских, националистических, религиозных войн в нашем столетии показывают, насколько не устарел спор выдающегося философа Ивана Ильина с великим писателем Львом Толстым.

Список литературы References

- Гельфонд (Клюзова) М.Л. Критика учения Л.Н. Толстого о непротавлении злу насилием в отечественной религиозно-философской мысли конца 19 – начала 20вв.: три основных аргумента // Вопросы философии. – 2009. - № 10. - С. 121-133.
- Gelfond (Klyuzova) M.L. Criticism of the teachings L.N. Tolstoy's non-resistance to evil by violence in a domestic religious and philosophical thought in the late 19 - early 20 c.: the three main arguments // Problems of Philosophy. - 2009. - № 10. - S. 121-133
- Толстой Л.Н. Неизбежный переворот // Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви. – М., 2004. – С. 919.
- Tolstoy L.N. The inevitable revolution // LN Tolstoy Act of violence and the law of love. - М., 2004. - S. 919.
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М., 1998. – С. 262-263.
- Fromm E. The Anatomy of human destructiveness. - М., 1998. - P. 262-263.
- Толстой Л.Н. Путь жизни. – М., 1993. – С. 167.
- Tolstoy L.N. The path of life. - М., 1993. - S. 167.
- Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и Лев Толстой // Вопросы литературы. – 1994. - №1. – С. 78.
- Davydov Yu.N. Max Weber and L.Tolstoy // Questions of literature. - 1994. - №1. - S. 78.
- Гусейнов А. Учение Л.Н. Толстого о непротавлении злу насилием // Свободная мысль. -1994. - №6. –С. 81.
- Huseynov A.A. Doctrine L.N. Tolstoy's non-resistance to evil by force // Free Thought. -1994. - №6. -FROM. 81.
- Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т.37. С.199.
- Tolstoy L.N. Full composition of writings. T.37. P.199.
- Толстой Л.Н. Три притчи // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20т., - М., 1964. – Т. 12. – С. 310-311.
- Tolstoy L.N. Three parables // LN Tolstoy Coll. Op.: The 20t, -, М., 1964. - V. 12. - P. 310-311.
- Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т.28. С.131.
- Tolstoy L.N. Full composition of writings. T.28. P.131.
- Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 12-ти томах Т. 11. Воскресение. – М., Художественная литература, 1975. – 448 с.
- Tolstoy L.N. Collected Works. The 12 volumes T. 11. Resurrection. - М., Fiction, 1975. - 448 p.
- Ильин И.А. О сопротивлении злу – Берлин, 1925. – 221 с.
- Ilyin I.A. On the resistance to evil - Berlin, 1925. - 221 p.